

Ирина Нечаева

Сова и хлеб

Роман
о древнем Египте,
написанный
египтологом

Ирина Нечаева

Сова и хлеб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12197306

ISBN 9785447428839

Аннотация

Молодой англичанин Дэвид Картрайт, будучи в Палестине, случайно покупает на арабском базаре статуэтку ибиса, созданную в древнем Египте. Вернувшись в Англию, он показывает ее знаменитому египтологу – и через день египтолога убивают. Картрайт со своим старым другом Рамзи пытаются найти убийцу и статуэтку. А за три тысячи лет до этого корабельщик Рамессу по приказу великого царя искал по всему Египту амулет бога Тота, который открывает дорогу в Землю Бога...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сова и хлеб
Роман о древнем Египте,
написанный египтологом
Ирина Нечаева

© Ирина Нечаева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Пролог

В день третий месяца второго сезона половодья года девятого в белый город Уасет¹ вернулись корабли, за год до того ушедшие на юг искать Землю Бога. Все пять, длинные, стройные, ничуть не потрепанные ветром и волной, они медленно шли по Великой реке², и в воздухе вокруг отчетливо пахло сладкой смолой, главным сокровищем Пунта, Земли Бога. Обнаженные спины гребцов отливали влажной медью под лучами злого летнего солнца, суетилась команда, разбирая причальные канаты.

На носу первого корабля сидел, изрядно мешая работе, Нехси, Носитель царской печати, человек, возглавивший этот поход. Как ни старался он казаться бесстрастным, полные губы сами собой кривились в довольной улыбке. Не ему ли ее величество Мааткара, да будет она жива, здорова и невредима, год назад отдала под начало пять кораблей и две сотни людей, выбрав его из многих и многих? Не он ли в одиночку провел их по Великому зеленому морю³, избег-

---

¹ Впоследствии греки называли его Фивами. Здесь и далее используются известные нам древнеегипетские названия, транскрибированные по правилам так называемого «школьного чтения». К реальному звучанию египетских слов они, к сожалению, имеют весьма отдаленное отношение.

² Нил

³ Египетское название Красного моря

нув и бурь, и страшных бродячих волн в два десятка локтей, и хищных рыб с веретенообразными телами и вонючим мясом? Не он ли шел впереди всех по чужой жаркой земле, где люди селятся на деревьях, как птицы? Шел – и не боялся чужих ножей и копий. Не его ли почтительно встретил царь Пунта и его жена – отвратительно жирная, похожая то ли на карлика Беса, то ли на злобного речного бегемота? Разве не склонились они перед величием владыки Двух земель⁴, разве не признали себя его слугами? Разве не жил Нехси в их хижине, подобной пчелиному улью, разве не воздавали ему почести, равные царским? Разве не вез он в Уасет драгоценную смирну и ладан, и другие благовонные смолы, и дерево, черное, как кожа нубийских наемников, и другое дерево, идущее на строительство кораблей, и слоновьи бивни, и шкуры царственного леопарда, и жирафьи хвосты, и золото, и краску для глаз, и невиданных животных для царского двора, и стройных остроухих собак с золотой шерстью, так похожих на бога Инпу⁵, и другие прекрасные вещи? Разве не его встречает весь белый город?

Весточку о точном часе прибытия кораблей он благо разумно отправил заранее, и на берегу у пристани толпились, кажется, все, кто не был занят делом в этот утомительно знойный день, и конечно те, кто обязан был присутствовать здесь по долгу службы. Но восхищение простолюдинов

---

⁴ Одно из названий египетского государства

⁵ Анупис

не волновало Нехси – сейчас, оставив команду разгружать корабли под бдительным надзором писца царской казны, он отправится напрямик во дворец.

Пусть великому царю Мааткара Хатшепсут, да будет она жива, здорова и невредима, и негоже ожидать своего верного слугу на пристани, она примет его немедленно, только тем и показав свое нетерпение. Совсем скоро, еще до заката солнца, он бросится ниц перед тронном, и невозмутимое, как погребальная маска, и такое же прекрасное, лицо живого бога дрогнет почти человеческой радостью. К вечеру Носитель царской печати Нехси прибавит к своему имени еще титул-другой – успех похода в Землю Бога превзошел все ожидания.

...Мягкий удар нарушил размышления Нехси – корабль ткнулся носом в причал, на берегу поймали канаты, загомонил толпа, раздались приветственные крики, и Носитель царской печати поспешно принял надменный и отстраненный вид. Он первым сошел на землю, принужденно улыбаясь взрепевшей черни. Дружески поздоровался с писцом царской казны, встречавшему его у самого причала, и препоручил его своему ближайшему помощнику Небмени. И, не теряя времени, направился в сторону дворца – грузом займется Небмени, боги подождут, домашние тем более, но заставлять ждать царя никак нельзя. Она и без того ожидала этого целый год.

Толпа расступалась перед Нехси, но он все равно привыч-

ным жестом прижимал руки к телу, опасаясь за тяжелые дорогие браслеты, и внимательно смотрел, куда ставит ногу – навыки жизни в шумном столичном городе никуда не делись за год.

Вечером, должно быть, будет праздник во дворце. И уж наверное, в городе – двести десять моряков вернулись не только живыми, но и изрядно разбогатевшими, то-то радость для двухсот десяти семей.

И никому – ни Нехси, ни команде, ни горожанам, ни чиновникам, яростно спорившим с Небмени, ни царю Мааткара – не было дела до молодого парня, тихо стоявшего у самого причала и мрачно смотревшего на корабли. То есть до Хора Канехет-хаиме-Уасета, Хора в Золоте Джосера-хау, Двух владычиц Уах-несит, царя и государя Менхеперра, сына Ра Тутмоса, да будет он жив, здоров и невредим. Почти никто не узнавал живого бога, самим Амоном назначенного владеть Двумя землями, и уж точно никто не замечал.

Менхеперра, Тутмосу, едва минуло двадцать лет, одиннадцать из них он был царем, и девять из этих одиннадцати – не был. На троне его деда восседала женщина. Жена прежнего царя и мачеха нынешнего. Пусть она и называла себя царем, пусть приказывала изображать себя в полном царском уборе, пусть ставила свои статуи в образе бога Усира – все равно она оставалась всего лишь женщиной. Недолго боги будут терпеть такое нарушение мирового порядка Маат...

Но пока владыке Двух земель оставалось немного. При-

носить жертвы на храмовых праздниках, стоя за спиной махехи – и то в нужные дни она старалась услатить его подальше. Надевать синюю корону войны и вести за собой войска, когда бунтовали жители пустынь. Много ли славы добудешь, усмиряя крошечные племена жалких кочевников? А еще что? Бить уток в камышах, стрелять из лука, править колесницей... Любить молоденьких наложниц из стран Хару и Речену. Работать с глиной в уединенных покоях – и скрывать это, ведь не подобают царю такие занятия. Хотя не из глины ли бог Хнум слепил людей? Читать рукописи Дома жизни. И, конечно, мечтать о далеких странах.

Менхеперра, да будет он жив, здрав и невредим, очень хорошо помнил, как впервые узнал о земле Пунт. Был он совсем ребенком и только учился разбирать священные знаки. И когда жирно блестящие черные жучки, копошащиеся на гладком зеленоватом листе, вдруг сложились в слова сказки, много раз слышанной от кормилицы, он испытал невиданное прежде потрясение. Как будто распахнулись перед ним ворота в иную, светлую и прекрасную страну, где нет примеров на сложение и вредной сестры Нефрура, которая не чинится расцарапать лицо будущему царю. Зато в той стране были бескрайние зеленые волны, и смелые дружинники, и чудесные приключения – и никому, кроме него, не было туда ходу. До сих пор царь в горькую минуту предпочитал не услаждать себя музыкантшами, танцовщицами и акробатками, а брать упругий свиток папируса – и уходить на время

за пределы Двух земель. Иногда ему хотелось даже развести чернил и самому начертать историю, возникающую у него в голове, но останавливал страх и мысль о небывалом кощунстве – как же это, дать имя и жизнь человеку, который не жил на земле?

Тутмос медленно двинулся прочь от причала, вверх по истертым ступеням. В город. В город, который должен падать перед ним ниц – и не падает. Не узнает и не признает своего царя. Менхеперра не верил в поход, отправленный мачехой. Он слишком хорошо помнил, какие испытания выпали на долю древних моряков, прежде чем они сумели прорваться в Землю бога. Корабли Нехси вернулись нетронутыми, совершив приятную прогулку по Великому зеленому морю. Да, корабли нагружены сокровищами – но они заплатили за них. Царь знал, чувствовал, что населенная краснокожими людьми страна Пунт, лежащая далеко на юге – это всего лишь еще одно племя данников, а великая, таинственная Земля бога, где живут золотые змеи, где реки текут молоком и медом, где растут невиданные деревья, откуда берет начало Великая река – эта страна еще ждет того, кто сумеет ее найти.

Царь тяжелыми, небыстрыми шагами шел к рынку, думая выпить вина или браги, послушать, что говорят люди. Он не боялся, что его узнают, и от этого было горько. А во дворце обойдутся без него. Да и не хотел он смотреть, как возносят хвалу мачехе, как чествуют Нехси, как напиваются пис-

цы и моряки.

– Разве же в Земле бога побывали наши корабли? – слышалось от обочины дороги.

От неожиданности Тутмос споткнулся. Обернулся. Прямо на присыпанном песком камне сидел старик с арфой в руках. Не из тех, кто играет на царских пирах, получая за это золото, нет. Уличный музыкант, сказитель, слушатели которого могут дать ему разве что лепешку или полоску сушеного мяса. Но вокруг него собралась изрядная толпа, человек в пятнадцать – кто же откажется позлословить о царском дворе? Тутмос протолкался к арфисту, даже не морщась от людских прикосновений⁶ и не замечая смешанного запаха рыбы⁷, чеснока и дешевых притираний.

– Что ты говоришь, старик?

Арфист вздрогнул и поднял голову, уставившись на царя страшными проваленными глазами в жемчужных бельмах. Тутмос поежился – ему показалось, что явный слепец видит его и знает, кто он.

– Земля бога лежит в Дуате, – нараспев произнес он. Голос хрипел и дрожал, как у всех стариков, но арфиста явно учили с ним обращаться, и учили очень хорошо. – Земля бога лежит рядом с полями Иалу. Как же дойти туда на обычном корабле?

---

⁶ Вообще-то прикасаться к царю было нельзя ни в коем случае. В древности за это даже казнили.

⁷ По еще менее понятной ритуальной причине рыбы египетские цари не ели.

Тутмос хорошо помнил «Послание из сокрытого чертога», книгу, описывающую Дуат, царство, где Усир⁸ правит мертвыми. Но откуда его знать уличному музыканту? Не доводилось ли ему бывать в Доме жизни, пока глаза не перестали видеть? Но и в «Послании» не говорилось, как попасть в Дуат живому, куда плыть, чтобы привести корабль туда. А барка солнечного бога заходит в Дуат каждый вечер – значит, путь в него открыт.

– Сказки не лгут, – продолжал арфист, – сказки не лгут. В Землю бога можно дойти по морю – если она захочет принять тебя. Нужен ключ.

– Ключ? – Тутмос уже забыл, что вокруг стоят люди, которым нет никакого дела до его мечтаний, но они были.

– Какой еще ключ! Спой лучше песню, старик! – вмешался кто-то.

– Ключ – сокровище родом из Земли бога, которое стремится туда вернуться, – неторопливо пояснил арфист, – но если кто в Черной земле знает это, то только живой бог.

Что?!

А арфист провел пальцами по струнам и негромко стал выпевать слова древней сказки о человеке, побывавшем в прекрасной и таинственной Земле бога, сказки о моряке, потерпевшем кораблекрушение.

– ...и знали они небо, и знали они землю, и были сердца их, как сердца львов.

---

⁸ Осирис

Тутмос закрыл глаза, гася в себе невыносимую злобу. Он не увидел, как неуклюже повернулся старый арфист, и тень его, вычерченная солнцем на белом камне, стала странно напоминать хищную длинноклювую птицу.

Часть первая

Эта история началась в 188* году, когда я находился в отпуске после ранения. Война в Афганистане не дала мне ни карьеры, ни почестей – пусть пуля, попавшая чуть выше колена, и не оставила меня непоправимо хромым, но ходил я с определенным трудом, а спускаясь по лестнице или садясь в кресло, с трудом удерживался, чтобы не вскрикнуть от боли.

Вернувшись в Англию, измученный раной и морской болезнью, я узнал, что девушка, на взаимность которой я имел некоторые основания рассчитывать, даже и не думала ожидать, когда я вернусь из колоний. Она вышла замуж, и муж ее был значительно богаче меня, имел определенное положение в обществе и не припадал нелепо на одну ногу. Более в Англии меня не держало ничего, родители давно умерли, сестра была счастливо замужем и не интересовалась непутевым младшим братом, университетских друзей служба короне разбросала по всему миру, поэтому я принял решение уехать куда-нибудь врачевать свои телесные и душевные недуги.

Наверное, стоило предпочесть любой из английских курортов – Бат, Блэкпул или Скарборо, или же остановиться на Карслбаде, Ривьере или Бадене. Горячие источники успокоили бы боль в ноге, а общественные балы, выстав-

ки или пусть даже выступления какого-нибудь Чудо-ребенка или бродячего чревовещателя – отвлекли бы от горьких мыслей. Купальные лифты, девушки в пляжных панталончиках, киоски с мороженым и креветками, концерты классической музыки, карусели, распродажи фарфоровых безделушек... Натужное веселье обязательно на курортах так же, как и в Рождество, и вся эта шумная дешевая мишура, вызывающая головную боль, назначена помогать нам в этом. Но если человек мизантропичен от природы, да и еще и столкнулся с каким-либо настоящим несчастьем в тот момент и в тех обстоятельствах, когда общество предписывает ему веселиться, пользы и удовольствия это не принесет ни ему, ни обществу.

Примерно из этих соображений мой выбор пал на Иерусалим. Возможно, Палестина – не лучшая страна для того, кто только что вернулся из колоний и не успел еще заскучать по жаре, плохой, грязной воде и туземцам. Но, честно говоря, я надеялся найти в древнем священном городе успокоение и ответы на многие вопросы. (Да и нога в тамошнем сухом климате, наверное, ныла бы меньше, чем в промозглом Лондоне, где даже летом не бывает солнца).

Как любой представитель христианской цивилизации, я испытываю некоторый внутренний трепет перед новозаветной историей, пусть жизнь и делает невозможным следование евангельской морали, а английская церковь не требует от своих прихожан особого благочестия. Но мысль о том,

что где-то лежат камни, по которым ходил Спаситель, что прожившие восемнадцать веков оливы так и растут в Гефсиманском саду, что по Крестному пути может пройти любой, а чтобы посмотреть на Гроб Господень, войны за которой несравнимы по величине и жестокости с войнами за наши колонии, достаточно лишь заплатить умеренную сумму за билет – эта мысль поселяет в душе странное благоговение и беспримерную уверенность в реальности сказанного в Писании.

На средневековых картах Иерусалим изображался в центре мира. И с той самой секунды, когда я сошел на берег в порту Яффо, древнего города крестоносцев, меня не покидало странное ощущение, что эти карты не лгали. Пусть Яффо предстал передо мной нагромождением желто-серых камней, присыпанных пылью, пусть солнечный свет, отражаясь от этих камней, резал глаза, и вездесущая сухая пыль лезла в нос и рот, не давая дышать, пусть на улицах, куда ни посмотри, лежали гниющие отбросы, как в самых мерзких закоулках Уайтчепела, пусть нестерпимо пахло нечистотами, тухлой рыбой и разлагающимися водорослями, да еще и прибавлялся к этому своеобразный запах арабов – масла, которое они используют для волос, жареной на углях требухи, и каких-то удушающих благовоний. А при виде многочисленных турков очень не хотелось вынимать руку из кармана, где лежал револьвер. И это уже не говоря о том, что царящий в порту шум – крики рыбаков, грузчиков, верблю-

жий рев, да еще плывущий над всем этим заунывный призыв муэдзина – человека с чуть более чувствительными ушами уложил бы в обморок.

Морское путешествие немного успокоило расстроенные нервы, иначе порт Яффо, наверное, показался бы мне адом. Но даже в этом аду непонятным образом чувствовалась близость сердца мира. Может быть, дело было во множестве паломников, а может быть, действительно витала над Святой землей какая-то благодать.

Где-то я слышал разговоры, что в Палестине планируют постройку железной дороги, но пока ее не было и в помине, и пришлось удовлетвориться местом в дилижансе. Назвать это сорокапятимильное путешествие приятным не отважился бы никто, но наконец закончилось и оно, и я оказался у врат старого города Иерусалима, прямо под вывеской агентства Кука.

Следующие несколько недель я провел весьма приятно. Жил я, понятно, в христианском квартале, бродил по сухим горячим улицам, прошел Крестным путем, целый день просидел в Храме Гроба, поняв наконец, что послужило причиной жесточайших войн древности – смысл, высший и недоступный, был в этом камне и был понятен каждому, кому довелось его видеть. Пожалуй, более я не видал на земле ничего, сравнимого по значительности со скромной плитой пожелтевшего мрамора, треснувшей посередине. Я гулял в Гефсиманском саду, и вообще изучил, кажется, ре-

шительно все новозаветные места. Особенно поразила меня недавно сооруженная часовня Pater noster, на стенах которой была начертана соответствующая молитва едва ли на всех европейских языках. Видел великую реку Иордан – честное слово, в Англии такому ручейку постыдились бы давать имя – пил густой и сладкий турецкий кофе, взглянул на чтимую евреями стену и вообще вел себя как образцовый турист.

И потихоньку начинал скучать.

Иерусалим совсем невелик, хоть и грандиозен. Обычных курортных развлечений ждать тут было нельзя, девушек своих турки затягивают в черное, оставляя открытыми только глаза, за морскими купаниями пришлось бы куда-то еще ехать (впрочем, есть ли здесь вообще морские купания?), общества в гостинице не было никакого, и я начинал уж подумывать о том, чтобы предпринять еще одно небольшое путешествие и перебраться в Дамаск.

Ранним утром я прогуливался по арабскому кварталу – ближе к полудню становилось невыносимо жарко и приходилось возвращаться в гостиницу под защиту толстых стен с крошечными окнами.

Арабский квартал отличается тем, что на каждой, пусть и почти незаметной улочке, стоят бесконечные лавки – со съестным, готовой одеждой, специями, духами, оружием, разнообразными безделушками, иногда даже книгами. От запахов воздух казался густым – першило в горле от сотен

видов перца и других специй, отдавали прогорклым маслом духи, сладко гнили помятые фрукты, и еще пахло свежим мягким хлебом, и этот запах почему-то напоминал о дальней дороге. Торговцы не стеснялись дергать меня за одежду и за руки и беззастенчиво кричали прямо в ухо. Да уж, даже старьевщики с Петтикоут-лейн такого себе не позволяют. Уже почти твердо решив уехать из Палестины, я подыскивал себе какую-нибудь вещицу на память об этой поездке.

Большая часть этих вещей была сделана ужасающе грубо и небрежно. Определенной дикарской прелестью обладали разве что женские украшения из необработанных камней, но мне, увы, некому было их дарить. В конце концов меня занесло в довольно большую лавку – по крайней мере, в нее можно было зайти, а не просто покопаться в разложенном прямо на мостовой товаре – заполненную старинными вещами чуть более тонкой работы. Да и хозяин не имел премерзкой обезьяньей манеры восточных торговцев. Он только степенно кивнул мне и даже предложил кофе.

От кофе я отказался, принявшись рассматривать выставленные *objet d'art*, и скоро проникся смутным уважением к хозяину. Жизнь в окружении таких вещей не могла не наложить на него отпечатка – или же наоборот, он изначально создавал эту лавку в соответствии с врожденным своим тонким вкусом. Такой восток нравился мне много больше, он вызывал в памяти сказки тысячи и одной ночи, а отнюдь не службу в колониях, приятных воспоминаний оставившую

мало.

Даже пахло здесь не так, как во всем остальном квартале. Этот запах показался мне вдруг запахом самого старого Иерусалима – то ли нагретой пыли и камня, то ли ладана или какого-то еще церковного благовония, то ли самой древности. Наверное, так пахнет в гробницах египетских фараонов, разве что там жарче и воздух затхл.

Вещи здесь были не навалены беспорядочными горами на зеленоватых от старости медных подносах, а лежали каждая по отдельности на обтянутых вытертым бархатом ступенчатых постаментах. Во всей лавке не было ничего яркого, кричащего – ни цветастых тканей, ни расписных тарелок, ни изразцов, ни стеклянных бус – только приглушенные тона старого, поросшего патиной металла, потускневшие полудрагоценные камни да твердое от старости дерево. Где-то в углу притаился даже ворох рукописей, на пергаменте и кажется даже папирусе, но древних языков я не превозмогал, за исключением университетских начатков греческого и латыни. Обнаружив даже россыпь странной формы глиняных предметов с выдавленными на них загадочными письменами, я подумал, что здесь стоило оказаться не мне, а сэру Генри Роулинсону. Возможно, выставленные здесь вещи могли бы изрядно обогатить британскую науку и коллекции Британского музея, но я до сих пор ничего не понимаю в древней истории, что уж говорить о тех временах, о которых я веду рассказ. То ли дело оружие.

Внимание мое привлек короткий кривой кинжал в отделанных серебром ножнах. Рукоять с тусклым красным камнем в навершии удобно легла в руку, а булатная сталь лезвия, хоть и требовала чистки и затачивания, была в отличном состоянии. Не то чтобы кинжал был для джентльмена вещью повседневной необходимости, но этот был красив. Привешивать его на ковер в гостиной я, разумеется, не собирался (тем более что и квартиры вместе с гостиной пока не имел), но среди моих приятелей явно нашлось бы немало ценителей подобной вещи.

Жизнь на востоке научила меня сбивать любую цену, назначенную торговцем, и начинать разговор с уменьшения ее в четыре-пять раз. Вот и сейчас первоначальные десять лир (что-то около девяти фунтов) удалось обратить в три, и, весьма довольный сделкой, на этот раз я принял предложение выпить кофе. Тем более что кофе по всей Османской империи варят отличный, хоть и ничуть не похожий на тот, что можно выпить в Англии. Здесь он подается в совсем маленьких чашечках, очень сладкий и очень крепкий, и добавляют в него какую-то пряность с резким свежим вкусом.

Приняв из рук мальчика крошечную фарфоровую чашечку, я осторожно сел. Хозяин лавки кое-как понимал по-английски, и, вероятно, меня ждали несколько минут небезынтересной беседы. Однако вместо этого он молча разглядывал меня. Глаза его были лишены ресниц, и из-за этого взгляд становился похожим на змеиный, и мне сделалось неуютно.

Отведя взгляд, я наткнулся вдруг на еще одну полочку, ранее не замеченную. Стоявшие и лежавшие там вещи заинтересовали бы равно археолога и самого тонкого ценителя искусства. По всей вероятности, все они происходили из тех самых гробниц египетских фараонов, которые я уже вспоминал ранее. Египтомания меня миновала, правда, но представление о древностях из долины Нила я имел не меньшее, чем любой другой образованный человек.

На полочке лежали тяжелые жуки-скарабеи, вырезанные из цельных камней и отмеченные строчками иероглифов – должно быть, заклинаниями. Красовался рядом с ними широкий браслет с эмалью, не утратившей цвета за три тысячи лет. Стояла пара бронзовых статуэток звероголовых богов – миниатюрных, невероятно тонкой работы. Рядом, завернутая в пожелтевшие пелены, лежала мумия какого-то зверька вроде кошки. Интересно, кому может понадобиться такое? Было тут и множество других вещей – бусины, каменные печати, маленький гранитный портрет человека в царской короне, глиняные черепки, чернеющие рукописными строчками, и масса других мелочей, которые сделали бы честь любому музею. Памятуя о том, сколько шедевров древности было куплено именно в таких лавчонках (или, по крайней мере, о неоднократно слышанных мной в университете рассказах о таких покупках), я решил присмотреться повнимательнее.

Полагаю, что ценнее всего были плоские белые черепки с буквами и особенно свернутый папирус, который я даже

побоялся трогать – слишком уж хрупким он выглядел, но эту мысль я отбросил сразу – в таких вещах разбираться бы ученому, но никак не человеку, с некоторым трудом одолевшему университетский курс в силу излишнего увлечения греблей и девушками.

Поэтому я сосредоточился на вещах, которые мог оценить. Невзрачный ржавый перстенок я, по недолгому размышлению, отбросил, задумавшись вместо этого над крупной плоской подвеской из бирюзы и разноцветной эмали, но и она показалась мне малоценной. Ювелирных украшений здесь вообще было много, очевидно, египтяне их любили, но мне показалось, что никакой ценности, кроме красноватого золота, в них нет – слишком они все были простые, грубые и яркие.

Возможно, следовало приобрести мумию и презентовать ее кому-то из наших археологов, но мысль о путешествии в компании мертвого зверя меня не обрадовала. Конечно, вряд ли он примется разлагаться, если еще не сделал этого за десяток веков, нодохлая кошка в саквояже в любом случае будет сомнительным удовольствием. В душу мне запал скарабей из мутного красного камня, размером примерно с ладонь, и его я сразу отложил в сторону. Но хотелось выбрать и что-нибудь значительное, что могло бы вызвать интерес лондонских ученых или антикваров. И наконец я нашел то, что искал.

Это оказалась небольшая, дюймов пяти, статуэтка египет-

ского ибиса. Бронза позеленела от возраста, но годы не сломали ни длинного острого клюва, ни топорщащихся перьев на голове. Перья эти, и все прочие мелкие детали тоже, были отделаны очень тщательно, так что видны были даже крошечные бороздки на крыльях и когти на ногах, на месте глаз чернели маленькие блестящие камушки или капли стекла. Он стоял в неестественной для птицы позе, выставив вперед левую ногу и высоко подняв голову, и я предположил, что это изображение какого-то бога. Бронзовые когти вцеплялись в подставку из полосатого зеленого камня вроде яшмы. Когда-то она, очевидно, была отполирована до зеркальной гладкости, но сейчас была уже просто довольно ровной. В руках он оказался странно легким, как будто полым изнутри. Вряд ли он был хоть сколько-то ценен в каком-то смысле, кроме художественного, но хорош был необычайно, и я с удовольствием присоединил его к своим покупкам.

– Не продавайся, – сообщил торговец, едва глянув на вещи в моих руках.

Это меня насмешило. Кто-то на восточном рынке отказывается продать вещь, выставленную на видном месте в лавке? Очевидно, здесь изобрели такой вот нетривиальный способ повышения цены.

– Сколько? – с улыбкой спросил я по-арабски.

Надо заметить, что опыт путешествий давно научил меня, что слово «сколько» – главное в любом языке, и им вполне можно обойтись в большинстве случаев. А если уж добавить

к нему слова «здравствуйте», «до свидания» и «спасибо», можно смело считать себя полиглотом.

– Не продавайся, – повторил он и затараторил что-то на своем родном языке, из которого я не понимал ровным счетом ничего.

– Пять лир, – решительно сказал я, полагая сумму в четыре с лишним фунта более чем достаточной за пару безделушек. В конце концов, за эти деньги можно купить дюжину бутылок «Шато Марго» урожая шестьдесят четвертого года или почти четыре галлона виски.

Торговец примолк на мгновение, видимо, удивленный величиною предложенной суммы, и еще раз попытался неуверенно повторить свое «не продавайся».

– Четыре, – снизил цену я.

Как я и полагал, ничего, кроме желания получить побольше, за отказами торговца не стояло. И, расставшись с семью лирами в общей сложности, я покинул лавку, вполне удовлетворенный покупками. Хотя сумма, конечно, была баснословная. Но расставаться с иноземными деньгами почему-то всегда легче, нежели с английскими, так что скоро я об этом забыл. Впрочем, скоро забыл я и самом факте покупок – правда, вернувшись в гостиницу, я изучил их еще раз, при ярком свете, и все они – и кинжал, и скарабей, и ибис – понравились мне еще больше. Особенно скарабей, обнаруживший невероятную тонкость резьбы. Захотелось узнать даже, что написал на каменном брющке древний резчик. На поста-

менте ибиса тоже было что-то написано, несколько небрежных, но глубоко врезанных знаков. Кажется, они были добавлены позже и другой, куда более грубой рукой. А может, это вообще была какая-то хозяйственная метка или номер, отличить египетские буквы от цифр я не берусь.

После этого я засунул все вещицы глубоко в саквояж, сочтя свой долг туриста исполненным, и накрепко о них забыл. Мне многое еще оставалось увидеть в Палестине – и Вифлеем с пещерой, в которой родился Спаситель (вход в знаменитую базилику Рождества оказался высотой мне по грудь), и Вифанию с гробницей Лазаря, и Галилею, где в деревушке Кафр Кана вовсю торговали сладким алым вином, весьма напоминающим кларет – правда, совести утверждать, что это то самое, не хватало даже у арабов.

Вот так я довольно поспешно объехал всю Святую землю. Не скажу, что эта поездка хоть чем-то напоминала паломничество, никакого духовного поиска и прозрения не получилось, но, по крайней мере, меня больше не тянуло хвататься за револьвер при виде незнакомого лица, да и нога болела значительно слабее. И вспоминать о некой обладательнице голубых глаз я стал заметно реже. И, конечно, Палестина была много интереснее нескольких сонных недель в Бате. Запас тем для светских разговоров (не то чтобы я часто бывал в модных гостиных, но случалось и такое) был пополнен, и их хватило бы на довольно долгий срок. Так что в целом отпуском я был доволен, и в Англию возвращался с куда бо-

лее легким сердцем, чем уезжал.

Франция, через которую я ехал домой, была прекрасна, как и всегда, особенно вина и прекрасные работницы кое-каких заведений для джентльменов, но поездка в Палестину изрядно истощила мой кошелек, так что задерживаться на континенте я не стал.

Уж не знаю, бывает ли когда-нибудь в Ла-Манше хорошая погода, но лично мне ни разу не доводилось пересекать его при спокойной воде. Мучилась от морской болезни даже команда, что уж говорить о пассажирах. Поэтому на родную землю я сошел не в самом радужном настроении, и долгое путешествие по железной дороге тоже не слишком меня обрадовало.

Лондон встретил своего блудного сына сурово, сразу напомнив, от чего же, собственно, я бежал. Ужасающих гороховых туманов, при которых по улице лучше бы ходить с фонарем, к счастью, не было, но ледяной дождь и промозглый ветер быстро дали понять, что октябрь в столице великой империи – это не июль в древней Палестине.

Делать мне было абсолютно нечего (хотя, вероятно, какое-то занятие следовало бы себе приискать), деньги у меня были, поэтому дни я проводил в клубе, а вечера – в ресторанах, театрах, мюзик-холлах, пивных и прочих сомнительных заведениях, понимая однако, что делаю со своей судьбой что-то не то. В это время я много, но совершенно бессистемно читал, и однажды наткнулся на рассказ об ожившей

египетской мумии. К сожалению, название не сохранилось у меня в памяти – помню только, что это было число⁹. Рассказ напомнил мне о моих палестинских покупках, и я наконец вытащил из того угла, куда запихал, разбирая вещи.

Кинжал я так и не нашел, куда пристроить, а вот египетские изделия, наверное, следовало показать специалисту. Даже если он не найдет в них ничего особенного, по крайней мере, это меня развлечет.

Не то чтобы я был лично знаком с кем-то из знаменитых (или хотя бы неизвестных) египтологов. Сразу пришел на ум разве что мой университетский друг Теодор Рамзи, который весьма увлекался этой древней страной, но где его искать, я не имел ни малейшего понятия. Подумав немного, я решил, что проще всего будет обратиться к профессору древней истории Джорджу Роулинсону, с которым в годы учебы у меня сложились, пожалуй, дружеские отношения. Кроме того, он приходился младшим братом сэру Генри Роулинсону (честно говоря, это единственный археолог, о котором я вообще когда-либо слышал). Я полагал, что они могли если не сами разобраться с моими находками, то хотя бы указать, к кому мне следует обратиться.

Преподобный Джордж Роулинсон, разумеется, не отказал мне во встрече, но большой радости она мне не принесла. За те пару лет, что мы не виделись, старик сильно сдал. Чер-

---

⁹ Очевидно, имеется в виду рассказ Артура Конана Дойля «Номер 249». Правда, в нашем мире он был напечатан только в 1892 году.

ная одежда духовного лица только подчеркивала желтизну неопрятной бороды и бледность лица крупной лепки. И то сказать, ему ведь уже было за семьдесят. А ведь когда-то он играл за крикетный клуб Оксфордского университета...

Смотреть в его потускневшие глаза или на сильно дрожащие руки мне было больно, и поэтому я, для вида поболтав ложкой в чашке чая, с излишним воодушевлением сообщил о цели своего визита.

Хотя «История древнего Египта», принадлежавшая перу моего собеседника, вышла всего несколько лет назад – как раз во времена моей собственной учебы в университете – сказать что-либо конкретное о моих покупках он не сумел.

– По всей видимости, это погребальный скарабей, – сообщил он, снимая очки, – Таких клали в грудь мертвеца на место сердца, вырезанного при бальзамировании. Видите, здесь написано имя человека, для которого он изготовлен, а вот «слов власти» нет. Это не совсем обычно, поскольку именно эти слова должны были даровать покойному возможность жизни вечной... Но такие скарабеи тоже встречаются достаточно часто. Так что вещь вы приобрели хорошенькую, если только вас не смущает ее печальное предназначение, но для науки она не интересна, к сожалению.

– Спасибо, – вообще-то я примерно так и думал, разве что полагал, что сердоликового жука использовали в качестве украшения или амулета живые. Хотя для украшения он, пожалуй, был слишком велик. – А про это вы что скажете?

Я достал статуэтку ибиса, завернутую в мягкую ткань. Мне не хотелось, чтобы моя неосторожность стала причиной повреждения птицы, прожившей столько столетий, а некоторые его детали казались угрожающе хрупкими.

Профессор бережно развернул фигурку, но особого энтузиазма тоже не выразил.

– Я бы предположил, что это статуэтка бога Тота в образе ибиса. А может быть, изображение ах, человеческой души. Работа отменная, отрицать не стану. Но в период расцвета египетской цивилизации по-другому и не бывало.

– Там что-то написано... – видимо, в голосе моем прозвучало слишком уж явное разочарование, потому что профессор сочувственно улыбнулся.

Он перевернул птицу и для начала провел пальцем по глубоко врезанным знакам. Потом внимательно рассмотрел их, сначала поднеся почти к самым глазам, потом воспользовавшись небольшим увеличительным стеклом.

– Не понимаю, – он пожал плечами, – просто отдельные иероглифы. П, УН, Т... Они могут означать имя, или какое-то слово, какого я просто не знаю, или вообще что угодно. И определителя¹⁰ при них нет... А может, надпись просто не закончена. Вот что, – сжалился он, – кажется, эта птичка вам очень дорога, мистер Картрайт. Я бы посовето-

---

¹⁰ Определитель, в современной терминологии детерминатив – идеограмма, изображавшаяся рядом с фонетическими знаками для прояснения их значения. К примеру, человеческая фигурка с большой долей вероятности указывала на обозначение профессии, а свернутый свиток – на абстрактное понятие.

вал вам показать ее хранителю Британского музея, мистеру Сэмюэлу Бёрчу. Возможно, он сможет вам помочь. Вещица-то небезынтересная. Не совсем типичная.

Кажется, последней репликой он хотел просто меня ободрить. Еще поболтав немного для вида об университетских делах, рассказав профессору о Палестине – результатами моей экскурсии он, специалист по Ветхому Завету, остался недоволен – и даже съев из вежливости жуткое печенье, я наконец откланялся с облегчением. Старость, даже деятельная, всегда меня угнетала.

Я полагал, что сумею найти Сэмюэла Бёрча в музее, где он занимал место куратора египтологии, но там его не оказалось. Служитель любезно разъяснил мне, что куратор болен и в музее уже некоторое время не появляется, и посоветовал нанести ему домашний визит. Поблагодарив служителя, я с удовольствием прошелся по египетским залам музея, но ничего подобного моему ибису не нашел. Точнее я даже обнаружил две птичьи статуэтки, но обе они были приземистые, крупные, и без хохолок на голове. И, кажется, сделаны были из другого материала. Кажется, определенный интерес моя находка все-таки представляла.

Служитель снабдил меня также домашним адресом мистера Бёрча, так что, дав телеграмму с просьбой принять меня в любое удобное ему время, я отправился в клуб, сочтя день весьма удачным.

Мистер Бёрч прислал мне очень любезную ответную те-

леграмму, в которой приглашал заходить в любое время, так что наутро я решил отправиться к нему, не откладывая дела в долгий ящик. Жил он на Кэвершем-роуд, не слишком далеко и от Британского музея, и от моего собственного обиталица, поэтому я с удовольствием прошелся пешком.

Уже приближалось Рождество, и в окнах книжных и писчебумажных лавок пестрели рождественские афишки, по улицам ездили фургоны продавцов дешевой одежды, предлагавших мантии, маски и прочие атрибуты праздничных костюмов, витрины магазинов одежды украшали гирлянды, на многих дверях красовались адвентские венки с яркими красными цветами, а многие прохожие несли в руках коричневые бумажные пакеты. Да и погода вела себя благовоспитанно – туман испугался мороза и сгинул, на улицах лежал снег – если не смотреть под ноги, где он превращался в гадкую грязную кашу, обильно сдобренную лошадиным навозом, можно было даже найти снег белый и пушистый, как на слащавой открытке. Стоял легкий морозец, возможно, смертельно опасный для юных продавщиц кресс-салата (или своих полуобнаженных прелестей), но для хорошо одетого человека – сущее удовольствие. Возможно, мне стоило даже принять приглашение сестры, вознамерившейся восстановить семейные узы, и встретить Рождество вместе с ней, ее мужем и парой моих племянников, за индейкой и плам-пудингом. Купить мальчикам по игрушечному револьверу, шурина – бутылку хорошего портвейна...

Предаваясь подобным размышлениям, я быстро дошел до Кэвершем-роуд и вручил служанке свою визитную карточку. Она почти сразу же провела меня наверх.

Сэмюэл Бёрч поразил меня с первого взгляда. Был он уже очень немолод, но явно все еще силен и крепок. Совершенно лысый, он носил роскошную пушистую бороду, а глаза из-под густых белоснежных бровей сияли молодым лукавством. В доме не пахло ни лекарствами, ни старческой немощью, и я заподозрил, что Бёрч просто отговаривается болезнью, чтобы избавиться от скучной части обязанностей куратора и предаться тому, что ему действительно интересно. Он и сейчас работал – на столе перед ним лежала толстая пачка исписанных страниц, большие листы с крупными рисунками египетских иероглифов и какие-то книги.

– Мистер Картрайт, – он поднялся мне навстречу, и я с удовольствием пожал ему руку.

– Простите мое любопытство, но над чем вы сейчас работаете? – я кивнул на стол.

– Это саркофаг жреца по имени Амаму, – отмахнулся он, – ничего интересного. А вот вы, как я понимаю, как раз принесли что-то забавное.

– Полагаю, так.

Во второй раз за последние несколько дней я отдал кому-то своего драгоценного ибиса, но реакция мистера Бёрча оказалась куда живее и непосредственнее реакции моего бывшего учителя.

– Ого! Да вы везунчик, молодой человек. Насколько я могу судить, конечно.

Он надолго замолчал, внимательно исследуя статуэтку. Оглядел – кстати, ему ни очки, ни увеличительное стекло не понадобились, ощупал, только что не лизнул.

– Странная вещь, молодой человек, – сообщил он наконец, – очень странная. Я даже приблизительно не могу определить время ее создания, хотя египетские технические приемы очень характерно и заметно менялись. Она может принадлежать равно и четвертой династии, и восемнадцатой.

– Может, это вообще подделка? – мысль была отвратительна, но отрицать очевидное я не мог.

– Нет, что вы, – улыбнулся Бёрч. – Древность этого предмета несомненна. Вы, наверное, не чувствуете – по неопытности или молодости, но время имеет запах... Ощущение в руках. Его ни с чем не спутаешь. Но вы поставили меня в тупик, не могу не признать.

Он надолго замолчал. Потом сказал с неохотой:

– Разве что... – и снова умолк.

– Что? – поторопил я его.

– Это действительно может быть подделка, но древняя. Имитация, выполненная ремесленником из какой-то сопредельной страны. Попытка повторить понравившуюся вещь... Но я по-прежнему почти уверен, что эту птицу делал египетский мастер. Посмотрите на линии. На позу – птица стоит в позе царя, между прочим. Да еще и надпись. Она-

то несомненно нанесена человеком, знавшим этот язык, это не бессмысленное копирование красивых знаков. Возможно, ее следовало бы показать графологу... Или месье Шаба... А саму птицу – мистеру Баджу, он как раз занимается египетскими амулетами и магией... Или же обратиться в Фонд исследователей Египта...

Он бормотал какие-то фамилии, и речь его постепенно делалась бессвязной, и мне начинало казаться, что помощи я не найду и здесь. Что ж, обращусь к какому-нибудь другому ученому. Хоть в тот же Фонд исследователей Египта.

– Позвольте, – решительно сказал я и протянул руку к своей птице.

– Нет-нет! – встревожился мистер Бёрч, что здорово мне не понравилось. – Вот что... – он задумался, – позволите ли вы мне подержать ее у себя пару дней? Я сверился бы с каталогами, посоветовался бы с более узкими специалистами...

Мне очень, очень не понравилось, как он прижимал к себе крошечного бронзового ибиса. Как будто девушку. Как будто совершенно не собирался с ним расставаться. Никогда. Тут он сделал движение, как будто собирался убрать его куда-то в недра своего стола, и у меня перед глазами вспыхнул белый свет. Рука сама дернулась вперед, и я, клянусь, чуть не схватил старика за бороду. Но все-таки сумел опомниться.

– Прошу простить. Да, конечно, я могу вам ее оставить, – я не сказал бы, что эта фраза далась мне легко, но не мог понять причины этого. В конце концов, я сам обратился к это-

му человеку за помощью, и поначалу он мне очень понравился.

– Только... пожалуйста расписку, – боже, что я несу, какая расписка, зачем? Я в самом деле подозреваю знаменитого ученого в том, что он украдет у меня недорогую статуэтку сомнительного происхождения. Или она все-таки оказалась очень ценной? Я колебался.

– Да, разумеется. – С видимым облегчением сказал мистер Бёрч и тут же мелким аккуратным почерком принялся писать требуемое. Не выпуская, впрочем, птицы из другой руки.

– Когда я могу зайти? – я тщательно изучил написанное и убрал лист во внутренний карман, предварительно подув на него, чтобы не размазались чернила.

– Когда зайти?... – слегка растерялся мистер Бёрч. – Заходите после Рождества, например. Спасибо за интересную задачу, молодой человек.

Он убрал ибиса в ящик стола, заперев его на ключ, и мне на мгновение стало дурно, как чувствительной барышне, провожающей жениха на войну, но это быстро прошло.

Попрощавшись, я направился в клуб в твердой уверенности, что на сегодня сомнительных древних тайн мне хватит, а вот без стакана портвейна я рискую не дожить до вечера. От морозного воздуха мне сразу стало значительно легче, и я уже не понимал, что со мной случилось. Безобидная птица, купленная на арабском рынке, почему-то вдруг стала дорога

мне, как трубка с опиумом для заядлого курильщика. Возможно, дело было в духоте старого дома, или усталости... или меня заразил странный энтузиазм ученого египтолога.

Выбросив все это из головы и только сделав себе мысленную заметку снова зайти к Бёрчу после Рождества, я доехал до клуба и там основательно надрался в компании случайно встреченного приятеля.

Следующие пару дней я провел, старательно создавая себе рождественское настроение, потому что больше делать было решительно нечего. Написав сестре письмо с радостным (по крайней мере, я надеюсь, что оно действительно вышло таким) согласием провести праздник с ее семьей, я принялся в промышленных количествах закупать хлопушки и сахарные фигурки, приобрел нюрнбергского ангелочка из мишурки и какую-то еще дрянь в том же роде.

Мне было очень, очень скучно и скверно. Я был молод и почти здоров (нога теперь ныла только в ответ на сильный холод и на долгое неподвижное положение), у меня были кое-какие средства, хорошее образование и нелегкий жизненный опыт, и мне совершенно некуда было это приткнуть и нечем заняться. Наверное, именно в таком состоянии люди отправляются раскапывать древние сокровища или эмигрируют в Америку. Господи, да будь я юнцом, я юнгой бы нанялся на первый попавшийся корабль. Наверное, этим и объяснялась моя странная привязанность к бронзовому египетскому ибису – был в нем неуловимый привкус тайны. Что-то,

способное хотя бы немного раскрасить однообразные будни. И наступающее Рождество только усугубляло ситуацию – все вокруг были заняты какими-то странными праздничными хлопотами и искренне этому радовались, у всех были дела, семьи и прочие вещи, придающие жизни подобие смысла.

В очередной раз изучив весь Лоусерский пассаж и приобретя беспощадно дорогую игрушечную железную дорогу для племянников, я мрачно пил пиво в пабе «Старый колокол», когда вдруг на мой столик с грохотом приземлился еще один пинтовый стакан.

– Что за... – возмутился я, но тут же узнал нахала. – Рамзи!

Напротив меня сел, улыбаясь и вытянув в проход длинные ноги, Теодор Рамзи.

– Привет, Картрайт. Давненько мы с тобой не виделись...

Встречам с Рамзи я непомерно радовался даже тогда, когда они были едва ли не ежедневны, ну а уж после нескольких лет разлуки – тем более.

Рамзи был личностью весьма примечательной. В годы моего обучения в университете он посещал лекции вместе с нами, но в студентах никогда не числился, а напротив, служил где-то на флоте и, говорят, успешно делал карьеру. Я, кажется, ни разу не видел его в форме, и сейчас он тоже был в отлично сшитом штатском платье, но осанка, манера движений, надменный поворот головы и голос сразу выдавали в нем человека военного и к тому же привыкшего командо-

вать. Был он смугл, как индеец, но при этом лицо его обладало чертами классической статуи и, конечно, он принадлежал к очень хорошей семье (хоть и шотландской, если судить по фамилии), о которой никогда, впрочем, не рассказывал. Кажется, он был старше нас всех, юных разгильдяев, что никак не мешало ему принимать участие во всех наших проказах, ничуть не боясь дисциплинарного взыскания по службе. Ну а удивительнее всего была его любовь к истории, которая и привела его в университет. Он знал, кажется, всю историю человечества, цитировал на память римских ораторов и приводил в пример исторические анекдоты, но особенно увлекался библейской историей, ассирийской и другим древним востоком. В первую очередь, разумеется, Египтом. Я, кажется, уже вспоминал о нем, жалея, что не могу показать ему свои находки – я никогда не понимал, что его держит на флоте, когда самое место ему было бы на востоке, среди археологов. Неужели деньги? Впрочем, задать этот вопрос я так никогда и не решился.

За прошедшие годы он не изменился, разве что стал еще смуглее. Наверное, проводил время в тех же широтах, где я чуть не остался хромым.

– Очень рад тебя видеть, – он отпил чуть не полстакана и очень аккуратно поставил его на стол. – Что подельываешь нынче?

– Ничего, – честно ответил я, и мне стало очень неудобно и стыдно перед вечно занятым Рамзи, который умудрял-

ся находить время на все, включая сомнительные развлечения. – Формально – восстанавливаю здоровье...

– Афганистан?

– Что же еще...

– А на самом деле бездельничаешь, и это надоело тебе до крайности, – утвердительно сообщил Рамзи.

– Не без того. – Незаданный вопрос повис в воздухе.

– Да ты и в университете такой был. Либо работаешь сутками, либо у тебя роман, либо страдаешь и начинаешь пить с утра. Я бы предположил, что ты женился, – он обвел рукой мои покупки, заполнявшие полстола, – но мы расстались не так давно, чтобы ты успел обзавестись сыном лет эдак пяти. Ладно, черт с ним, – он допил пиво и махнул бармену, – не надоело? А то поступай ко мне на корабль.

– Непременно. Юнгой.

Обиженным я себя несколько не чувствовал. Во-первых, он несколько не имел такого в мыслях, а просто хотел меня же развеселить. Во-вторых, неукротимая энергия этого человека заражала. В-третьих, он был прав.

– Лучше коком. Нет, а на самом деле? Так и будешь ничего не делать всю жизнь? Или женишься и станешь добропорядочным отцом семейства? Или примешь сан? Или планируешь написать гениальный роман? Или сделаешь еще какую-нибудь невозможную и глупую ерунду в этом духе?

Меня всегда поражало и где-то даже восхищало в нем легкое и циничское отношение к женщинам. Он никогда

не имел сколько-нибудь серьезных романов, неодобрительно относился ко всем нашим ухаживаниям за приличными барышнями, но зато никто лучше него не знал лондонских борделей. Рамзи был знаком с девушкой, которую я хотел назвать своей невестой, но сразу сообщил мне, что шансов у меня нет, и лично он этому очень рад. Время показало, что он не ошибся. Ну а что до гениального романа – эта идея, разумеется, приходила мне в голову в юности, как и всем, наверное. Но все-таки реплика Рамзи показалась мне несколько неуместной и неприятной.

– Вообще-то я планировал исследовать Черный континент, – сообщил я. К счастью, у меня тоже было чем его задеть и заинтересовать. – Точнее, Нильскую долину. В частности, во время своего последнего путешествия я приобрел вещь, которая показалась бы тебе интересной...

Я замолчал и занялся своим портером. Рамзи смотрел на меня, улыбаясь, и совершенно не собирался меня потопрапливать. Наконец он вздохнул и заговорил.

– Ты надеешься, что сейчас я примусь тебя уговаривать и просить. Потому что я случайно назвал что-то, дорогое тебе, ерундой. Приношу свои извинения, и можешь рассказать о своем приобретении. Пожалуйста.

Как и раньше, он видел меня насквозь. А я-то надеялся, что время, война и горе научили меня скрывать свои чувства.

– Не сердись, Картрайт, – примирительно улыбнулся Рам-

зи. – Я в самом деле не хотел тебя обидеть.

– Ладно. – На самом деле обижаться на него было очень сложно, даже у многочисленных его женщин это получалось плохо. – Закажи еще по стакану.

Рамзи послушно прошел к стойке и принес две пинты.

– Я жду рассказа, – поторопил он, кажется из вежливости.

– Я... летом я был в Палестине. В Иерусалиме.

– А я так там и не побывал, – мрачно сказал Рамзи. – Хотя много лет хочу. И как там?

– Прекрасно. – Для того, чтобы рассказывать про сердце мира, которое действительно находится в Иерусалиме, я был слишком трезв. Да и определенную неловкость после долгой разлуки все-таки испытывал, хотя в двадцать лет вывалил бы все это легко и с гордостью. – Там... все по-настоящему. Ну так вот. Я приобрел на арабском рынке одну вещицу... Египетскую статуэтку.

– Я даже готов поверить, что это не позднейшая арабская подделка, – лениво заметил Рамзи, – хотя, видит Бог, ты не слишком хорошо разбираешься в египетском искусстве. Но арабы разворовали столько гробниц и храмов, что считать такую покупку уникальной странно. Ты можешь, конечно, рассказать про величайшие шедевры, приобретенные археологами в таких же обстоятельствах. Но это были археологи, вот в чем разница.

Я уже говорил, что раньше на этого человека совершенно невозможно было обидеться. Но, кажется, он все-таки изме-

нился.

– Мне продолжать?

– Продолжай, конечно, – он улыбнулся, и мне перестало хотеться его убить.

– Я не археолог, конечно, но про эту статуэтку мне ничего толкового сказать не смог ни старик Роулинсон, ни мистер Сэмюэль Бёрч. Оба утверждают, что она, безусловно, подлинная, но датировать или прочесть надпись на ней ни у одного не получилось. Пока я оставил ее Бёрчу, он обещал с кем-то еще посоветоваться...

– А какая она из себя? Я, конечно, не претендую на лавры Роулинсона, но кое-что в этом понимаю.

– Это бронзовый ибис, дюймов пяти размером. – Я задумался. Нет, помнил-то я его прекрасно, ибис стоял перед глазами как живой. Но кто знает, какие его черты могут важны для узнавания?

– Роулинсон сказал, что это бог Тот или статуэтка человеческой души.

– Картрайт, – заметил Рамзи, – это даже ты мог бы определить, если бы слушал лекции по древней истории вместо того чтобы писать стихи своим девушкам. Что-нибудь выдающееся в твоём ибисе есть?

– Да нет, наверное. Хохолок на голове, я такого в музее не видел. Постамент из зеленого камня.

Рамзи вдруг подавился, забрызгав пивом весь стол. Он долго кашлял и пытался отдышаться, и выглядело это все

крайне неудобно.

– Все в порядке? – наконец спросил я.

– Относительно. – Он успокоился наконец и отхлебнул большой глоток. – Скажи пожалуйста, а надпись на постаменте есть? Которую старики не сумели прочитать?

– Да, – кивнул я. – Роулинсон говорил, что там просто какие-то отдельные буквы. Вроде бы П, Н и Т.

И тут стакан в руке Рамзи взорвался. Толстый пинтовый стакан. Во всяком случае, выглядело это именно так. Стекло разлетелось во все стороны, и я зажмурился, чтобы не остаться без глаза, и получил в физиономию несколько капель портера.

– Это что еще такое? – воздвигся над нами бармен.

– Уйди, – коротко, сквозь зубы сказал Рамзи, одновременно швыряя на стол полгинеи. – Картрайт, где сейчас эта статуэтка?

– У Сэмюэля Бёрча, куратора египтологии в Британском музее, я же говорил. Мы договаривались, что я зайду за ней после Рождества.

– Картрайт, пожалуйста, зайди за ней до Рождества. Прямо сейчас, например. И возьми меня с собой.

– Зачем? – я решительно не понимал, в чем тут дело.

– Я знаю, что это. И лучше ему не быть у Бёрча.

– Рамзи, ты в своем уме? – поинтересовался я. – Или это один из твоих розыгрышей?

Мы-то все были студентами, а Теодор Рамзи – офице-

ром флота Ее Величества, взрослым, серьезным человеком. И это совершенно не мешало ему, например в течение пары месяцев изображать призрак монаха, до смерти пугая велосипедистов и лошадей на тихой подъездной дороге. Кажется, там до сих пор боятся ездить по ночам, памятуя о громадного роста фигуре в черной рясе, с мягко светящимся лицом под капюшоном. Кстати, мне до сих пор интересно, как он этого добился. Не фосфор же? Он же приклеил на фотопластинку вырезанные из тонкой бумаги силуэты эльфов, получив в результате вполне приличную фотокарточку маленького народца. Некоторые ему даже поверили, между прочим. Пожалуй, эта история могла бы получить широкое распространение, если бы он не признался.

Вот и сейчас я подозревал, что он изобретет историю о древнем проклятии фараонов, наложенном на бронзовую птицу и убивающем всех, кто осмелится к ней прикоснуться. Только я-то пока жив, и повода ему верить не имею.

– Картрайт, я очень тебя прошу, – Рамзи был серьезен и очень бледен, что при его смуглой коже выглядело странно – лицо как будто пожелтело. Средство бледнеть и краснеть по своему желанию мне не ведомо, так что я слегка заколебался.

– Это действительно очень древняя вещь, – прибавил Рамзи. – И за всю свою историю она никому не принесла счастья. Сама по себе она не опасна... наверное, но она может вызывать интерес людей, с которыми никому не захочется встре-

чатся.

– Конечно-конечно, – ядовито заметил я, – как же в наше время без древних обществ? Три индусских жреца идут по следу желтого алмаза?

– Картрайт, раз в жизни прошу, отнесись к моим словам серьезно! – он по-прежнему был бледен и спокоен на вид, но побелевшие пальцы нервно гладили стенки стакана.

– Рамзи, ты предлагаешь мне вломиться в дом к уважаемому человеку, ученому, который был так любезен, что согласился дать мне консультацию, и заявить, что я передумал? Потребовать свою невероятную драгоценность, купленную приблизительно за два фунта? Потому что мой старый друг читал о чем-то подобном в сенсационном романе за три пенса?

– Картрайт... – он осекся и закрыл глаза. – Ладно. Я признаю твою правоту, но прошу тебя нанести Бёрчу визит в первый день Рождества и позволить мне пойти с тобой.

Он как-то сгорбился и двумя руками вцепился в стакан.

– Ты прав, конечно. Ничего страшного не случится. Это...

Он вдруг поднял голову и сверкнул белоснежной улыбкой.

– Картрайт! А не надратся ли нам? Как в старые добрые времена?

– Ну вот так бы сразу, – с удовольствием сказал я. – А то древние тайны, проклятья, черт знает что...

– Помнишь, как мы ходили к мадам Келли в Париже? –

подмигнул Рамзи. – Так вот, три ее девочки переехали в Лондон.

Заведение мадам Келли, стоящее в трех шагах от Лувра, я, конечно, помнил. Такие цены не забываются.

– Знаешь, сегодня я предпочел бы что-нибудь менее роскошное...

– Не вопрос, – легко согласился Рамзи. – Пойдем к самым грязным шлюхам Уайтчепела, если только у них будут носы. И горячая вода, чтобы прокипятить их перед употреблением. Но это попозже, а пока давай-ка еще по пиву. И по рюмке виски.

Я прошел к стойке и заказал две рюмки шотландского и сразу четыре пинты, на будущее. После этого мы отправились обедать, потом заглянули в какую-то таверну, и еще одну пивную, и действительно решили двинуться к девкам, но предварительно зашли пропустить еще по рюмочке...

А потом я проснулся утром дома.

В студенческие годы такие эскапады проходили много легче, а теперь я провел весь день в полуживом состоянии, и, боюсь, моя квартирная хозяйка вынуждена была несколько изменить мнение обо мне – за время нашего знакомства такое случалось впервые. Следующий день тоже прошел в хмурой апатии, но, по крайней мере, прекратилась вакханалия рождественских покупок, заметно опустошавшая мой кошелек, но при этом не приносявшая никакой радости. Более того, я подозревал, что и племянников моих эти бесконечные

игрушки порадовали бы только непосредственно в момент преподнесения даров.

В общем, я сидел дома за романом о завоевании Мексики и не имел ни малейшего желания усаживаться за семейный стол с традиционным гусем, или идти в церковь, или играть в шарады или любой другой бред в том же роде, когда ко мне без предупреждения заявился Рамзи. Точнее говоря, он просто возник на пороге гостиной, легко обогнав служанку.

– Доброе утро, Картрайт, – радостно сказал он, упав в кресло без приглашения и чиркнув спичкой, – может быть, хватит хандрить? Развеемся?

– Я очень рад тебя видеть, но откуда тебе известен мой адрес?

– Да ты что, Картрайт, – он озадаченно нахмурился, – а кто, по-твоему, отвозил тебя домой пару дней назад?

– Хорошо. Но, извини, никаких развлечений я в ближайшее время не хочу, прошлый раз оставил неизгладимые впечатления.

– Стареешь, Картрайт, – Рамзи со вкусом затянулся и вытянул ноги к самой каминной решетке, – пару лет назад ты бы на лекцию после такого отправился.

Больше всего мне хотелось послать его к черту и читать об ацтеках дальше, желательно до весны или минимум до первого дня Рождества, когда можно будет прогуляться к Бёрчу за птицей, но воспитание не позволяло.

– Бренди?

– Не откажусь.

Получив стакан, он внезапно стал серьезным.

– На самом деле я очень рад, что с тобой все в порядке.

– Рамзи, – кажется, я закатил глаза, – что со мной могло случиться, кроме похмелья? Да и от него никто еще не умерал, в этом ты совершенно прав.

– Все, что угодно. Ты не был у Бёрча?

– Я же сказал, что мы договорились встретиться после Рождества!

– Тихо, тихо, – он поднял ладонь. – Я просто хотел удостовериться. Тогда чем ты собираешься заниматься в ближайшее время?

– Ничем, – злобно сказал я. – Еще полромана осталось. И еще пара других найдется. Должен же я наконец прочитать все давно устаревшие новинки?

– Хорошо, понял. А непосредственно на Рождество какие у тебя планы?

– Семейный вечер, само собой. Гарриет решила вспомнить, что у нее есть младший брат.

– Старушка Гарриет? – обрадовался Рамзи. – Как онаживает? Вспоминает меня?

Тут я вспомнил, что у них даже, кажется, случился необременительный романчик в свое время, хотя Гарриет уже была помолвлена. И уж по крайней мере, они точно приятельствовало. Хотя познакомил их именно я, я старался поменьше проводить с ними время. После замужества она пе-

реехала в Гринвич, и их дружба или флирт прекратились сами собой, но, наверное, упоминать сестрицу сейчас было стратегически неверно.

Так и получилось. Закончился разговор тем, что я пригласил Рамзи провести Рождество вместе с семьей сестры, подозревая, что она не будет огорчена.

Но понять, чем вызван внезапный всплеск интереса ко мне со стороны Рамзи и его небезуспешные попытки возродить старую дружбу, я так и не сумел.

Так что Рождество мы встретили компанией большой и шумной (лучше бы она была чуть менее шумной), с живыми картинами, волшебным фонарем, индейкой, подарками, пряными кексами и всем прочим.

Но утром первого же дня Рождества Рамзи разбудил меня в совершенно безбожную рань – разумеется, мы оба остались в Гринвиче.

– Пора ехать в Лондон, Картрайт.

– Какой еще Лондон? – мне захотелось закопаться в подушку, но вместо этого я сел в постели. – Сегодня День подарков, Рамзи. В Лондоне никто не работает, а нам предстоит весь день предаваться тихим семейным радостям, выслушивать поздравления прислуги и почтальона, а вечером выпить с Джеймсом и послушать его горестные воспоминания о холостяцких деньках.

– Тем не менее, нам нужно извиниться перед хозяевами и уехать. Или нет... – он заколебался, – пожалуй, мне лучше

не попадаться хозяевам на глаза.

– Рамзи! – я окончательно проснулся. – Что ты еще на-творил?

– Ну... – он ухмыльнулся. – Тебе лучше этого не знать, потому что хозяйка дома – твоя сестра.

Насчет добродетельности своей драгоценной сестренки я не испытывал никаких иллюзий еще с тех пор, как она училась в пансионе, так что оскорбиться у меня не вышло, как я ни старался. Поэтому я только вздохнул, обозвал Рамзи животным и принялся поспешно одеваться. Весь день наблюдать, как Гарриет оказывает знаки внимания моему старому другу, одновременно умудряясь держать в полном неведении мужа и поддерживать семейную идиллию, мне совсем не хотелось. Лучше уж и правда вернуться в город, выпить пару рюмочек и спокойно почитать.

Таким образом, в пустынном рождественском Лондоне мы оказались неприлично рано. Работающий ресторан можно было бы сыскать разве что в Уайтчепеле (и то это был бы не ресторан, а грязный трактир), и я пригласил Рамзи завтракать к себе, не сомневаясь, что моя квартирная хозяйка окажется на высоте.

Однако стоило нам покончить с завтраком – и в самом деле весьма пристойным, как Рамзи, со стуком поставив на стол опорожненную кофейную чашку, заявил:

– Полагаю, теперь самое время навестить Бёрча.

– Рамзи! – взвыл я. – Рождество! Это просто-напросто

неприлично.

– Неприлично, Картрайт, отягощать известного ученого своими проблемами. И уж конечно, как можно скорее избавиться его от твоей бессмысленной птички будет более чем прилично. Вы договаривались о встрече после Рождества – кто посмеет сказать, что оно еще не наступило?

Я решительно не понимал, чем вызвана его настойчивость – может быть, он задумал очередную шутку самого дурного вкуса? Хотя это маловероятно, слишком с большим пиететом он всегда относился к египетской цивилизации, шутить над куратором египтологии Британского музея ему не пришло бы в голову. Да, наверное дело было именно в желании побеседовать с этим человеком.

В результате мы, прихватив бутылку хорошего портвейна, выбрались из дома и зашагали в сторону Кэвершем-роуд.

Безлюдный, засыпанный почти нетронутым снегом Лондон походил на рождественскую открытку значительно сильнее, чем раньше, когда толпы превращали снег под ногами в бурю грязь; ну а на жирную сажу, исправно оседавшую на все вокруг, я, как и все остальные лондонцы, давно привык не обращать внимания, чего никак нельзя было сказать о Рамзи, который постоянно морщил нос и старался ступать на мостовую очень избирательно, чтобы не задеть какие-нибудь отбросы.

– На кораблях Ее Величества, видать, значительно чище? – поддел я его.

– О да, – с чувством ответил он. – Ты не представляешь, насколько. А уж на востоке и вовсе знают толк в чистоте, не то что у нас.

У меня о востоке сложилось прямо обратное впечатление, о чем я не преминул сообщить, но Рамзи тут же засыпал меня информацией о древневосточной медицине, о турецких банях, о разнообразных косметических притираниях, о положениях мусульманского права, посвященных гигиене... Когда он перешел на Библию, я даже слегка возмутился, но тут мы как раз дошли до Кэвершем-роуд.

На двери мистера Бёрча висел видный издалека веноч – большой, пышный, разве что слишком темный для рождественского. Подойдя чуть ближе, я различил черные перья наверху и... и креповую ленту, свисавшую снизу. Рамзи со свистом выдохнул сквозь зубы и резко ускорил шаг.

В черных перьях прятался маленький оскаленный череп. Слова, вырвавшиеся у Рамзи, несколькими годами ранее явно привели бы к его исключению из колледжа. Что там, я думаю, он при своих матросах таких выражений не допускал. Но вынужден признаться, что я подумал приблизительно то же самое.

– А я тебе говорил, – мрачно сказал он, чуть успокоившись.

– Что ты мне говорил?

– Что надо было зайти к Бёрчу намного раньше. И вообще, почему ты не пошел сразу ко мне с этой фигуркой?

– Ну знаешь ли! – упрек его был настолько возмутительно нелеп, что я не нашелся с ответом.

– Зайдем, – бросил он, – больше ничего не остается.

Дверь открыла умеренно заплаканная служанка, присевшая в неуклюжем реверансе.

– Прошу прощения, – мягко сказал я, – мы с мистером Бёрчем договаривались о встрече несколько недель назад... Но я вижу, что у вас в доме произошло трагическое событие...

– Мистер Бёрч скончался на Рождество, – она всхлипнула, но как-то неумело.

– В таком случае, можем ли мы поговорить с его супругой? – вмешался Рамзи.

Честно говоря, я и понятия не имел, что Бёрч был женат, хотя предположение выглядело вполне логичным.

– Миссис Бёрч нету дома... Но я могу доложить о вас мистеру Уолтеру.

– Мистеру Уолтеру?

– Мистер Уолтер де Грей Бёрч, сын хозяина.

– Проводите, – кивнул Рамзи.

Уолтеру Бёрчу было на вид лет сорок, выглядел он не слишком приятно – возможно, свою роль сыграли горе и бессонные ночи – и встретил нас более чем сухо. Сидя в удобном кресле, он даже не потрудился встать.

– Добрый день, джентльмены, – кивнул он, – чем могу служить?

– Позвольте принести вам искренние соболезнования... – должен же хоть кто-то в этой комнате соблюдать светские приличия! Не от Рамзи же этого ждать, который хищно подобрался и во все глаза разглядывает египетские диковины, в изобилии представленные в гостиной.

– Благодарю.

Продолжать разговор он явно не собирался, и я мужественно сделал еще одну попытку.

– От чего скончался ваш отец? Мы виделись совсем недавно, и он казался абсолютно здоровым.

– У... удар, – Бёрч почему-то запнулся, а Рамзи вдруг ткнул меня локтем в бок. Что я должен был заметить?

– Я правильно понимаю, джентльмены, что вы вели какие-то дела с моим отцом? – поторопил Бёрч, не выказывающий никакого желания беседовать.

– Несколько недель назад, – я просто вынужден был перейти к делу, хотя мне было искренне жаль старика. За очень короткий период нашего знакомства он произвел на меня самое приятное впечатление, за исключением одного незначительного эпизода. – Несколько недель назад я передал вашему отцу весьма ценную («Гхм!» – довольно громко сказал Рамзи) египетскую статуэтку с целью ее точной атрибуции и датировки. Если желаете, у меня есть расписка, – я вытащил слегка помявшуюся бумажку. – Мне бы хотелось забрать статуэтку обратно, раз уж я не сумел получить консультации.

Простой вопрос почему-то очень смутил мистера Бёрча.

– Разумеется, я приложу все усилия, мистер... – он бросил взгляд на мою визитную карточку, – мистер Картрайт. Но проблема в том, что вещи и документы моего отца оказались в очень большом беспорядке.

Я хорошо помнил рабочий кабинет Сэмюэла Бёрча, его спартанское убранство и аккуратно разложенные и расставленные книги и документы. Каким образом там возник беспорядок? Уж не сошел ли старик с ума перед смертью? Тоже непохоже, я ведь видел его совсем недавно, и он совершенно точно пребывал в здравом уме.

– Мистер Бёрч, вы совершенно в этом уверены? – осторожно спросил я. – Ваш отец не производил впечатления человека, способного оставить что-то в беспорядке.

Бёрч долго молчал, а потом поднялся из кресла и распахнул перед нами дверь отцовского кабинета.

– Смотрите сами, джентльмены.

Разгром, учиненный в некогда аккуратном кабинете, не поддавался описанию. Такого стоило бы ждать, наверное, от самого безнадежного из всех пациентов Бедлама, но никак не от тихого ученого. Ящики стола и шкафов были выломаны, дверцы распахнуты, многие книги лежали на полу кверху переплетами, обивку кресла вспороли, а записи Бёрча были разобраны по листу и рассыпаны по полу.

– Вы, разумеется, можете поискать здесь свою статуэтку, – Бёрча совершенно не обрадовал произведенный эффект. –

Или обратиться в музей – возможно, отец хранил ее там. Но сам я за это вряд ли возьмусь, по крайней мере сейчас. Вы ведь понимаете, что горничной такую уборку не доверить.

– Мистер Бёрч, вы по-прежнему утверждаете, что ваш отец скончался от удара? – мягко поинтересовался до того молчавший Рамзи.

– Если вам угодно знать, то нет, – сухо ответил Бёрч.

– А от чего же? – не уступал Рамзи.

– Его убили. Очевидно, с целью ограбления. Джентльмены, надеюсь, вы понимаете, что я не хотел бы предавать эту историю огласке...

– Разумеется, – рассеянно сказал Рамзи. – Вы позволите все-таки посмотреть, нет ли здесь нашей статуэтки?

«Нашей»?

– Ты ее даже не видел никогда!

– Я прекрасно знаю, о чем идет речь, Картрайт, – сквозь зубы сказал Рамзи. – Буду тебе очень благодарен, если ты мне поможешь. Вы позволите? – бросил он через плечо.

– Да, конечно... Если вещь так дорога вам.

Бёрч-младший прислонился к стене, явно собираясь наблюдать за нашими поисками. Вряд ли он полагал, что мы можем забрать что-то, нам не принадлежащее. Скорее его очень интересовала вещь, из-за которой мы вели себя не самым подобающим образом.

Мне почему-то показалось, что Рамзи не был новичком в проведении обысков. Хотя мало ли, что ему приходилось

делать на флоте и особенно в колониях – как известно, джентльмен к западу от Суэца не отвечает за то, что делает джентльмен к востоку от Суэца. Так или иначе, кабинет он осмотрел быстро и четко, не сделав ни одного лишнего движения. И, разумеется, мы с ним ровным счетом ничего не нашли, за вычетом пары-тройки египетских вещиц и какой-то рукописи на папирусе – Рамзи на мгновение прищурился на нее, как будто знал египетский язык, но почти сразу отложил хрупкий бурый лист в сторону.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказал он наконец. – Здесь этой вещи явно нет. Ваш отец мог держать ее где-то еще в доме?

– Где – под подушкой? – ехидно спросил Бёрч. – Нет, это совершенно исключено.

Я совершенно уверился в своем подозрении, что смерть отца совершенно не огорчила Бёрча. Возможно, дело было в большом наследстве?

– Благодарю. Полагаю, нам лучше обратиться в отдел египтологии музея. Еще раз извините за вторжение. – Рамзи говорил короткими фразами, делая паузу после каждой из них, как будто с трудом подбирая слова для следующей.

– Пустое, джентльмены, – весь вид Бёрча свидетельствовал о том, что мы, напротив, нанесли ему страшнейшее оскорбление своим визитом.

Поэтому мы тут же откланялись и вышли на так и не начавшую оживать улицу.

– Нет ли у тебя папирос, Картрайт? – похоронным голосом осведомился Рамзи. – Тогда пойдем искать в этом мертвом городе табачную лавку. – И, не дожидаясь моего согласия, быстро зашагал вперед.

Мимо прошел, слегка задев меня плечом и не извинившись, очень высокий джентльмен в цилиндре. Меня поразила его борода – она спускалась, наверное, до середины груди. Рамзи вдруг остановился и посмотрел ему вслед.

– Где-то я его видел... – заметил он.

Бородатый джентльмен позвонил в ту же дверь, из которой только что вышли мы.

– Пошли, Картрайт. – Рамзи тут же потерял всякую оживленность. – Полагаю, с ним нам еще придется встретиться.

– Может, ты мне все-таки объяснишь, что происходит?

– Сначала я покурю.

После этого он молчал, пока мы все-таки не приобрели папиросы и не устроились в чудом оказавшейся открытой кофейне на Тэвисток-стрит.

– Мы, конечно, непременно зайдем в Британский музей, когда он соизволит открыться. – Рамзи мучительно долго устраивался, выбирал пирожное, закуривал, но наконец все-таки решил сжалиться надо мной.

– Но это не имеет ровным счетом никакого смысла.

– Не будешь ли ты так любезен объяснить, почему? – я старался быть спокойным, но мне казалось, что я попал в дурной роман, в котором уже появился первый труп. Не сле-

дует ли мне ждать встречи с великим детективом мистером Шерлоком Холмсом? Откуда столько таинственности вокруг самой обыденной истории? Хотя, если честно, я очень скупал по своей птице, и тревожился о ее судьбе.

– Потому что шансов на то, что Бёрч хранил ее в музее, нет никаких. Эту вещь не отпускают далеко от себя.

– Знаешь, понятнее мне не стало! – не выдержал я.

– Да. Конечно. Но ты уверен, что хочешь знать правду? Тебе очень повезло, что из-за этой вещицы убили Бёрча, а не тебя.

Что?!

– Рамзи, прекрати меня разыгрывать!

– Картрайт, давай договоримся так. – Рамзи оставался смертельно серьезен. – Ближайшие несколько дней мы проведем вместе. Как только откроется Британский музей, мы туда заглянем – вдруг все-таки случилось невероятное, и птица там. Ограбить его все-таки сложнее, чем дом Бёрча. А доказательством моей правоты тебе послужит, например... Помнишь человека, которого мы встретили у дома Бёрча? Если мы увидим его еще раз, значит, я прав. Вероятно, Бёрч обращался к нему за консультацией. Кстати! Возможно, нам стоит поговорить еще с мистером Эрнестом Баджем, он, пожалуй, крупнейший современный специалист по египетской магии. Скорее всего, он тоже что-то знает. К сожалению, я почти уверен, что не ошибаюсь...

Магии?

– Рамзи. Ты что, связался со спиритистами?! Какая магия? Столоверчение и прочие духи? Это, конечно, забавная тема для разговоров с барышнями, но нельзя же верить в это всерьез!

– Картрайт, успокойся. – Рамзи почти смеялся. – Бадж всего лишь изучает египетские представления о магии, ритуалы, амулеты и заклинания. Ты что думал, что он практик? Жжет сердца мумий на рассвете?

– Ладно, прости.

Пожалуй, я действительно погорячился.

Рамзи выполнил свою угрозу и не отходил от меня ни на шаг – впрочем его общество меня никогда не тяготило, не начало и теперь. Никаких развлечений во всем городе найти было нельзя, поэтому мы просидели весь день и вечер дома, за виски, книгами и неспешной беседой ни о чем. Рассказывать о египетской магии и своих подозрениях Рамзи категорически отказывался, напирая на то, что он может и ошибаться, так чего пугать меня раньше времени. В отместку я напоил его до полного бесчувствия, сам умудрившись остаться почти трезвым. Раньше мне такие фокусы не удавались. Правда, меня потянуло на приключения, но тащиться к каким-нибудь девицам в одиночку было откровенно лень, а Рамзи явно не был способен составить мне компанию, так что вечер кончился мирно.

Следующий день мы тоже мирно скоротали за чтением, но вечером выбрались все-таки в мюзик-холл – хотя пред-

ставление оказалось настолько низкопробным, что я предпочел бы провести еще один вечер дома со старым другом. Хотя, конечно, уже начал поддразнивать Рамзи, что он решил просто сэкономить на квартире на тот недолгий период, что ему придется провести в Лондоне. Он, впрочем, не возражал против этой версии.

Но стоило банкам и прочим заведениям открыться после праздника, как Рамзи тут же потянул меня в Британский музей. Я попытался посопротивляться, но больше для вида. На самом деле меня эта история интересовала уже не меньше, чем самого Рамзи, хотя в древнеегипетскую магию или хотя бы убийства из-за бронзовой фигурки я, понятно, не верил. Да и выйти наконец из дома хотелось.

Первым человеком, которого мы встретили в Британском музее, оказался тот самый джентльмен с роскошной бородой, которого мы видели у дома Бёрча.

– Здравствуйте, джентльмены, – поздоровался он. – Я не имею чести быть с вами знакомым, но полагаю, что вы тоже заинтересованы в наследстве мистера Бёрча?

– Заинтересованы, – кивнул Рамзи. Вот только улыбка его вдруг стала оскалом. – Но позвольте уточнить. Вещица, которая, как я полагаю, привела вас сюда, является не наследством мистера Бёрча. Она принадлежит мистеру Картрайту, – он небрежно кивнул в мою сторону, – который всего лишь попросил у Бёрча консультации.

– А мистер Картрайт может предоставить доказательства

этого? – поинтересовался неизвестный джентльмен, наклоня голову на бок.

– У меня есть расписка от Бёрча, – вмешался я.

– Полагаю, с моей стороны будет излишне дерзким просить ее показать?

– Разумеется. Если вы не душеприказчик мистера Бёрча.

– К сожалению, нет. Впрочем, не будем ссориться, джентльмены. Давайте сначала обратимся в отдел египтологии – скорее всего, нам нечего делить. Кстати, позвольте представиться. Абель Трелони.

Мне это имя ничего не говорило, но Рамзи заулыбался по-человечески, перестав быть похожим на голодного тигра.

– Теодор Рамзи. Я много о вас слышал, мистер Трелони...

– Вы, очевидно, из любителей Египта, мистер Рамзи?

– Вы совершенно правы. А теперь предлагаю закончить обмен любезностями и все-таки заняться делом. Пусть конкретно этот шаг кажется мне вполне бесполезным, попробовать мы обязаны.

На этом мы отправились в отдел египтологии, где спросили мистера Баджа. Мистер Бадж оказался на месте. Был он совсем молод и мало походил на научное светило, однако Рамзи обращался к нему с большим уважением.

– Да-да, я понимаю, о чем вы говорите, – он почти сразу же перебил Рамзи, принявшегося объяснять, зачем мы пришли. – Мистер Бёрч советовался со мной по этому поводу. Непростая вещица, очень непростая.

– И каков же ваш вердикт? – поинтересовался Трелони, как мне показалось, несколько свысока.

– Я думаю, вы согласитесь, что эта статуэтка сильно отличается от обычной манеры изображать бога Тота, – Бадж, казалось, не обратил внимания на покровительственный тон. – При этом она несомненно изготовлена в Египте, это глупо отрицать. Однако определить эпоху довольно сложно...

Все эти рассуждения я уже слышал от старого Роулинсона, и они меня мало впечатлили, но тут Бадж обратился ко мне

– Я правильно понимаю, сэр, что эта статуэтка принадлежит вам?

– Да, и мне бы очень хотелось получить ее обратно, – честно сказал я.

– Разве она не у вас? – испугался Бадж. – Или вы еще не знаете, что произошло с мистером Бёрчем?

– К сожалению, знаем. У него дома статуэтки не оказалось, и я рискнул предположить, что он мог оставить ее в музее.

– Что вы! Он не расставался с ней! Конечно же, она у него дома! Я, разумеется, не осмелился ничего там искать, но совершенно уверен, что домашние мистера Бёрча отдадут вам вашего ибиса.

Бадж говорил торопливо, захлебываясь, и очень искренне. Настолько искренне, что это показалось мне подозрительным, но тут он умоляюще прибавил:

– Вы ведь позволите мне взглянуть на него еще раз? Я бы

очень хотел включить его описание в свою книгу о египетских амулетах.

Мне даже стало стыдно за мелькнувшее подозрение. Он был молод – не старше меня – и при этом так увлечен своим делом, что мне на мгновение стало грустно. Сам я по-прежнему не имел ни малейшего понятия о том, чем хочу заниматься всю оставшуюся жизнь, и от безделья гонялся по Лондону за своим палестинским сувениром.

– К сожалению, статуэтка пропала, – мрачно сказал я. – Вы, как я понимаю, не знаете, где она может находиться?

Рамзи рядом со мной тихо, но отчетливо застонал.

– К сожалению, нет, – покачал головой Бадж. – Если вы ее найдете, дайте мне знать, пожалуйста. Очень интересная вещь. Вряд ли она перевернет мою карьеру, конечно, но я не прошу себе, если не расскажу о ней людям!

– Непременно, мистер Бадж, – заверил я. Почти юношеская одержимость мистера Баджа в самом деле произвела на меня самое приятное впечатление.

– Простите за беспокойство, – вмешался Рамзи. – Мы вынуждены вас покинуть. Большое спасибо за помощь.

Он круто развернулся и направился к выходу, и мистер Трелони за ним. Мне пришлось последовать их примеру.

– Не простит он себе, как же, – проворчал Рамзи, как только мы оказались вне пределов слышимости. – Больше ни один человек в мире не узнает об этом ибисе, клянусь.

– А вы знаете, где его искать теперь? – поинтересовался

Трелони.

– Мистер Трелони, – Рамзи остановился и заговорил внушительным тоном. – Я отношусь к вашей работе с большим уважением, но этот ибис – частное дело моего друга Картрайта. Ему – да и мне – не хотелось бы впутывать в него посторонних. Я бы попросил вас забыть о статуэтке, которая, как вам прекрасно известно, вам не принадлежит.

– Вы прекрасно понимаете, мистер Рамзи, что я не отступлюсь от этой вещи.

– Как вам будет угодно. Но вы понимаете, что в такой ситуации в дело может вступить полиция?

– Вы, кажется, мне угрожаете? – мягко поинтересовался Трелони.

– Почему бы и нет? В любом случае, мы не готовы пригласить вас к нам присоединиться. Повторяю, это частное дело. И если вы джентльмен, вы, конечно, откажетесь от попыток.

– Не откажусь. Позвольте откланяться. – Трелони коротко кивнул и удалился быстрым шагом.

– Прекрасно, – прокомментировал я. – Зачем ты поссорился с человеком, которого, по твоему собственному утверждению, уважаешь?

– Уважаю как ученого, – неопределенно отозвался Рамзи. – Но иметь дело с гробничным вором, честно говоря, не хочу.

– Рамзи, ты в своем уме? Гробничный вор – это тот, кто расхищает склепы на Кенсал-Грин. А тот, кто обследует мо-

гилы египетских царей, называется археологом.

– Тебе, конечно, виднее.

– Прекрати держать меня за идиота!

Я уже довольно давно чувствовал себя то ли школьником, которому по семейным обстоятельствам пришлось провести половину недели дома и, вернувшись, не понимать ни слова из тех, что говорят на уроках, то ли, что вернее, ребенком, для которого родители или любящие тетушки придумали игру – с тайнами,кладами, пиратскими кораблями и расследованием преступлений – но забыли объяснить какую-то очевидную для любого взрослого человека мелочь, очень важную для сюжета, и теперь таскают паренька по всему поместью, требуя, чтобы он радовался, и злясь от того, что он скучает и капризничает.

– Картрайт, – вздохнул Рамзи. – Я ни в коем случае не сомневаюсь в твоих умственных способностях. В конце концов, мы вместе учились, и я помню, как тебе давалась учеба. Просто ты ровным счетом ничего не понимаешь как в мире науки, так и в мире археологов, которых наука интересует в последнюю очередь. Зато они более чем серьезно относятся к тому, что в наш здравомыслящий век принято считать суевериями. И правильно делают.

– Ответь мне на несколько вопросов, иначе я больше с места не сдвинусь. Буду сидеть, читать романы и пить бренди до старости.

К этому моменту мы давно вышли из музея и весьма быст-

ро шагали куда-то, хотя никакого конкретного плана у Рамзи вроде бы не было. Во всяком случае, мне он об этом не рассказал. Ну а у меня никаких планов не было тем более – я по-прежнему не понимал, почему взрослые солидные люди, небезызвестные в научных кругах, впадают в такую ажитацию.

– Да, конечно. – Согласился Рамзи не без радости. Возможно, ему самому надоел ничего не понимающий спутник, вроде безымянного биографа напыщенного французского аристократа Огюста Дюпена.

– Что мы ищем?

– Ты меня удивляешь, Картрайт. Мы ищем статуэтку ибиса, которую ты купил в Палестине. – Рамзи улыбался, и в уже тускнеющем зимнем свете эта улыбка, надменная посадка голова и черные глаза вдруг напомнили мне виденные в том же Иерусалиме иконы восточного письма. А может, не иконы, а иногда встречающихся в Палестине странных арабов с почти европейскими чертами лица – у них у всех на лбу еще татуирован маленький крест.

– Хорошо, меняю вопрос. Почему эта статуэтка так интересуется всех мало-мальски сведущих египтологов, насколько я могу судить? Ее ищут уже тысячу лет? Так тысячу лет назад никакой египтологии еще не было. Она стоит миллион?

– Она стоит те самые пару фунтов, что ты за нее заплатил. Сколько, кстати?

– Четыре лиры. Это три с половиной, что ли, фунта.

– Дороговато, – заметил Рамзи, и улыбка его стала шире. – За простенькую египетскую статуэтку, у араба... фунта хватило бы.

– Хозяин почему-то отказывался ее продавать. Цену набивал.

– Правда? – удивился Рамзи. – Если он что-то знал, зачем он ее вообще продал?

По-моему, он искренне наслаждался моей беспомощностью и тянул время.

– Да расскажи ты уже, в чем дело!

– Ладно. Эта статуэтка – предмет... религиозного культа, имеющая величайшее значение для своих последователей.

– Ну да. Как я уже говорил, без тайного общества в этой истории никак нельзя обойтись. Не мог бы ты придумать более убедительный вариант?

Конечно, здравый смысл, а также опыт жизни на востоке давно научили меня, что присваивать какой-нибудь рубин Ситторака – очень, очень дурная затея. Что жрецы древних божеств, которых абсолютно не волнует, что на земле давно царит просвещенный девятнадцатый век, готовы защищать свои сокровища до последней капли чужой крови, а главное – вполне способны это сделать. И уж конечно, им невдомек, что использовать неведомые восточные яды, от которых несчастный чернеет и корчится в судорогах несколько суток, моля о смерти, или подсылать туземных убийц, умеющих плевать отравленными стрелками в спину или быст-

ро и бесшумно резать горло спящим – это не по-христиански и уж конечно не по-джентльменски. Видывал я несчастных, которые польстились на симпатичный камешек в каком-нибудь заброшенном храме в джунглях... или на туземную девушку, почему-то тоже оказавшуюся в этом богом забытом месте. Обычно потом им приходилось либо выbleвывать собственные кишки, либо собирать их, вывалившиеся из рассеченного живота, с земли. Да думаю, вам и самим доводилось слышать, например, о знаменитом Лунном камне.

Но одно дело храмовые сокровища или хотя бы фигурки уродливых африканских божков, из-за которых тоже рискуешь встречей со слишком фанатично настроенным пигмеем, и совсем другое – египетская статуэтка. Во-первых, египетская цивилизация давно и окончательно мертва, и о живых последователях звероголовых богов я никогда не слышал. Во-вторых, я ее не украл, не вынес из гробницы фараона, а честно приобрел на рынке, причем, судя по всему, до этого момента она пылилась в лавке пару десятилетий. В-третьих, таинственный и древний Египет всегда представлялся мне страной весьма разумной, и в ассасинов, пронесших знание сквозь века, не верилось. Правда, я – как и все цивилизованные люди – слышал про страшные проклятия, которыми защищали свои могилы египетские фараоны, и даже готов был допустить их истинность, но я, повторяю, не осквернял ничьих могил.

Так что в целом версия Рамзи казалась мне неубедитель-

ной. Правда, один погибший насильственной смертью в этом деле уже имелся, но разве обычные лондонские грабители никогда не убивают хозяев, внезапно оказавшихся дома в неудачный момент?

– Хорошо, попробую. Эта вещь имела величайшее значение тысячи лет назад, но некоторые люди об этом знают. И историки, и кое-какие радикально настроенные мистики и, пожалуй, даже церковные деятели. И, зная о том, как важна она была в прошлом, они вполне могут захотеть заполнить ее себе, раз уж она всплыла после стольких лет забвения. Не знаком ли ты, например, с трудами мадам Блаватской?

– К счастью, нет.

– Да, пожалуй, к счастью, – согласился Рамзи. – Но последователи – ее, и прочих сомнительных мудрецов, могут излишне серьезно отнестись к этому египетскому амулету. Ожидать же от фанатиков можно чего угодно. Такое материалистическое объяснение тебя больше устраивает, о сын рационального века?

– Устраивает. Но теперь я не понимаю, зачем в это дело вязался ты? Не проще ли предоставить тайным обществам и суеверным историкам самим играть в свои игры? Тем более, в этих играх, как оказалось, убивают по-настоящему?

– А тебе самому разве не хочется вмешаться? – поразился Рамзи. – Вернуть своего ибиса, в конце концов?

Мне хотелось.

Рамзи слишком хорошо знал меня в юности, когда – ну, в хорошие периоды – я был готов бросить университет и все остальные дела и поехать куда угодно и зачем угодно. Когда я мог в пятницу выйти из дома поужинать и вернуться вечером вторника через две недели, когда мы с гребной сборной пили всю ночь, а наутро выигрывали соревнования (правда, не поручусь, что наши соперники не пили наравне с нами), когда я умел и работать сутками и легко откладывать все эти книги, семинары, лекции и прочие одобряемые обществом вещи, когда одна девичья улыбка могла воодушевить меня на неделю, а надутые губки – ввергнуть в пучину печали на ту же неделю. С тех пор я стал значительно рассудительнее, приучился думать о жизни в категориях денег, удачного брака и достойных занятий, а не любви, истины и прочих громких слов, стал значительно хуже переносить выпивку и даже начал бояться смерти.

Мне очень хотелось обратно, в годы, когда горе и счастье были горем и счастьем, а не мимолетными переживаниями, когда времени было очень много и одновременно не хватало ни на что. Когда мелочи были важны, а энтузиазм вызывала любая ерунда, если был в ней хоть какой-нибудь след красоты или она хотя бы казалась смешной.

Эта таинственная история с древними культами, магическими амулетами, проклятьями фараонов и страшными убийствами мне вполне подходила. Хотя бы потому, что отдавала водевилем настолько, что вызвать настоящий страх

не могла. Да и к статуэтке ибиса я успел привязаться, и с удовольствием водрузил бы ее на каминную полку, когда все закончится, и рассказывал бы о ней иногда за бокалом бренди.

– Хочется.

– Вот то-то и оно, – удовлетворенно кивнул Рамзи.

– Итак, каков же наш план?

– Полагаю, прежде всего стоит прекратить демонстрировать, что мы заинтересованы в этом деле. Поскольку ты, как ни странно, обладаешь некоторыми законными правами на эту вещь, тебя тоже могут попытаться устранить с пути. Примерный круг тех, кого следует опасаться, мне известен – мир энтузиастов науки очень узок.

– А древние жрецы?

– Картрайт, нет никаких египетских жрецов, – вздохнул Рамзи. – Последний храм богини Исиды прекратил свое существование тринадцать столетий назад. После этого остались только энтузиасты, полагающие, что они знают египетский язык, египетскую магию и тайны. Иезуитский ученый Атанасиус Кирхер, набатейский книжник Ибн Вахиши, грек Филипп по прозвищу Горapolон... Месье Шампольон, мистер Джон Гарднер Вилкинсон... Нам следует опасаться таких, как они, а вовсе не жалких арабских христиан, полагающих себя потомками фараонов.

Я был точно уверен, что большинства этих имен в курсе древней истории не слышал, но Рамзи виднее. Вообще-то, оно и к лучшему. Про то, как опасно связываться со служи-

телями древних восточных культов, я уже писал несколько выше – а если нам придется столкнуться всего лишь с современными европейскими фанатиками, чего же тут бояться?

– А проклятье фараонов? – уточнил я на всякий случай.

– Я не буду говорить, что его не существует, – задумчиво сказал Рамзи. – Но обычно такие случаи имеют вполне научное объяснение. Вроде миазмов лихорадки, притаившихся в замурованных гробницах. Или ты имеешь в виду разнообразных оживших мумий, появившихся в последнее время в литературе? Нет, египтяне были порядочными людьми, и тревожить покой мертвых в такой извращенной форме никогда бы не стали. Так что – только люди. У тебя есть оружие?

– Оружие есть, лицензии нет.

– Надо приобрести.

Поэтому мы отправились на почту, и я расстался там с десятью шиллингами, получив взамен право носить оружие вне дома. Потом вдумчиво поужинали, и вдруг Рамзи сообщил:

– На этом мы с тобой расстанемся.

Я даже поперхнулся.

– Почему? Зачем?

– Чтобы отвести подозрения, естественно. Нас слишком многие видели вместе.

– Да никто нас не видел...

– Картрайт, – рассмеялся Рамзи, – не бойся, я тебя не бро-

шу. Сиди дома, читай свои романы – не этим ли ты грозился совсем недавно? Пусть все заинтересованные лица поймут, что ты бросил поиски.

Бросил? Да я даже не начал!

– До встречи, Картрайт. – Рамзи бросил на стол записку с адресом гостиницы, где, видимо, остановился и быстро исчез. Не заплатив по счету, кстати.

Я немного растерялся поначалу, слишком уж привык за последние дни к его обществу и, чего уж скрывать, руководству. Засобирался домой, провести вечер в покое и одиночестве, но вдруг разозлился.

Какого черта? Я давно не мальчик. Я воевал, я жил на востоке, я путешествовал... и сейчас, когда мне вдруг повезло, и появился шанс вернуть то, прежнее, ощущение собственного бессмертия и всемогущества, и беспричинной радости, или хотя бы его хрупкое подобие – я в самом деле собираюсь коротать время дома, за занятиями, которые пристали подагрическому почтенному отцу семейства?

Итак, как бы я действовал, если бы со мной не было Рамзи? Точнее, как мне действовать сейчас, когда со мной нет Рамзи?

Возможно, проще всего было бы обратиться к частному детективу или просто-напросто к полиции. Моя собственность похищена, и, по всей вероятности, дело отягощается убийством. Но с другой стороны, разве имел я право обращаться в полицию? Я никакого представления не имею о на-

ших британских законах, но полагал, что это, скорее, дело наследников мистера Бёрча. Если я просто явлюсь в Скотланд-Ярд и потребую информации об этом деле, меня, разумеется, просто выгонят оттуда. Добропорядочный гражданин, вероятно, обратился бы к детективу. Может быть, даже к мистеру Холмсу. Заплатил бы изрядную сумму денег и получил бы результат. Но, хоть я и был вполне добропорядочен, результат интересовал меня менее самого процесса поисков. Юная трепетная барышня могла бы счесть приключением уже само столкновение с тем миром, где существуют частные детективы, но, простите, не ветеран Афганской кампании!

Значит, вести поиски мне предстоит самостоятельно. И если детектив (если судить по романам, конечно) начал бы с внимательного осмотра места преступления, то есть кабинета мистера Бёрча, в поисках каких-нибудь следов пепла или чего-нибудь еще в этом роде, то меня – возможно, это не слишком хорошо говорит обо мне – убийца мистера Бёрча интересовал значительно меньше, чем моя статуэтка. Сосредоточиться я решил на научных кругах. Во-первых, об этом говорил и Рамзи, и это показалось мне логичным. Во-вторых, бронзовая статуэтка, не представляющая большой материальной ценности, вряд ли бы заинтересовала господ из преступного мира. В-третьих, выходов на этот самый преступный мир у меня просто не было, а кое-какие знакомства в мире ученом все-таки были.

Я припомнил, как Бёрч упоминал некий Фонд исследователей Египта, говоря, что собирается обратиться в том числе и к нему. Я наметил себе на утро беседу с этими господами. Оставалось сушая ерунда – их найти. На всякий случай я спросил у официанта справочник Келли, и даже получил его, но никакого Фонда там не оказалось. Что ж, придется завтра еще раз наведаться в Британский музей, поинтересоваться у мистера Баджа. Тем более что он так искренне переживал о судьбе пропавшей статуэтки...

С утра мистер Бадж был грустен и явно нездоров, но мне обрадовался.

– Здравствуйте, мистер Картрайт! У вас появились какие-то новости касательно вашего дела? Или, может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

Кабинет его выглядел как истинное пристанище безумного ученого. Книги громоздились по всем столам, грозя обрушиться в любую секунду, только маленькое пространство для работы было расчищено на одном из столов. Кроме того, повсюду были бумаги, и то и дело попадались мелкие каменные фигурки, очевидно египетские. Какие-то бирюзовые крестики, красные столбики, зеленые контуры глаз, разноцветные скарабеи разных размеров... Поверх наполовину исписанного листа, над которым Бадж, очевидно, работал, валялся лоскуток папируса с жирными бурыми письменами. Выглядели они на удивление свежими, даже блестели в тускловатом свете газового рожка.

– Курите, если хотите, – Бадж с трудом обнаружил где-то в залежах бумаг пепельницу и закурил сам. Двигался он как-то нервно, дергано, и руки у него дрожали.

– Веселый вчера был вечер? – сочувственно спросил я. Суетливость движений, и дрожащие пальцы, и запавшие глаза позволяли сделать совершенно очевидный вывод.

– Что?.. а, да, – он улыбнулся и тут же сморщился, прижав пальцы к вискам.

– Собственно, я хотел спросить у вас, – мне было совестно трогать человека в таком состоянии. В конце концов, я сам неоднократно в нем оказывался, даже и за последний месяц, но при этом не вынужден был ходить на службу. – Как мне найти Фонд исследователей Египта? Мистер Бёрч упоминал, что хотел бы показать статуэтку в том числе им. Вдруг там что-нибудь знают.

– В самом деле? – удивился Бадж. – Ну, это нетрудно. Фонд исследователей Египта находится здесь же, в музее. Правда, я не знаю, в какие часы можно найти хоть кого-нибудь из них. Если желаете, могу дать вам домашний адрес мисс Эдвардс, души этой авантюры и почетного секретаря Фонда. Пожалуй, так будет проще.

– Буду вам очень благодарен.

Бадж записал адрес на клочке бумаги, оторвав его от одного из своих листов – кажется, на обратной стороне даже остались какие-то его заметки – и улыбнулся.

– Картрайт! Вы, наверное, ничего не слышали о мисс Аме-

лии Эдвардс?

Имя показалось мне знакомым, но, наверное, просто из-за своей обыденности, так что я отрицательно покачал головой.

– Она у нас не только египтолог, но и поэтесса. И романистка.

– Точно! – вспомнил я. – Недавно у нее вроде бы вышел роман про какого-то лорда... или про какие-то миллионы?

– Да-да, «Лорд Бракенбюри», вы совершенно правы. Хоть это и было уже лет пять назад.

– В колониях непросто было следить за литературными новинками, – как бы извинился я, на самом деле не упустив случая показать этому юнцу, что я тоже не обычный бездельник со средствами.

– Понимаю, – он не обратил на это никакого внимания, – но перед разговором с мисс Эдвард посоветовал бы все-таки ознакомиться с ее творчеством. Повосхищаться стихами и прочее, сами понимаете. Кстати, Картрайт... – он на некоторое время замолчал. – Мисс Эдвардс – не первой молодости старая дева, не полностью утратившая привлекательность и... и страсть к жизни. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Я понимал и даже слишком хорошо – я никогда не принадлежал к числу тех, кого не смущала излишне пылкая любовь пожившей жены армейского командира в качестве пути к карьере, но видывал их в жизни немало.

Но какой все-таки деликатный человек мистер Бадж. Он

и сам совсем молод и имеет как раз тот тип внешности, который привлекает подобных дам. И хоть явно смущается от этого, все же счел нужным меня предупредить. Я рассказал ему в меру сальный армейский анекдот о жене полковника, еще раз горячо поблагодарил и наконец ушел, оставив его наедине с головной болью.

Если бы Рамзи навестил меня, он остался бы доволен моей конспирацией. По стечению обстоятельств и необходимости, пришлось все-таки посвятить весь день изящной словесности. Последний роман мисс Эдвардс оказался ужасно слащавым и никуда не годным, а уж для ее стихов и самый доброжелательный критик не нашел бы теплых слов, но я все же заготовил пару приятных фраз, совершенно необходимых для налаживания дружбы с любым тружеником пера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.